

Конец июня ознаменовал конец учебного года, что в свою очередь означало, что целая Академия орущих детей была отпущена на летние каникулы. Это включало в себя отродье. Оно пришло с укороченного учебного дня со своим табелем успеваемости нараспашку — на листе было отмечено два очень неохотных "отлично" и множество намного менее неохотных "удовлетворительно". Отродье не было очень обижено этим, впрочем — по всей видимости, оно заклеило ящички учительского стола намертво суперклеем, прежде чем уйти.

Летом обычный распорядок жизни не сильно отличался от такового в учебное время. Отродье всё ещё тратило дни, носясь снаружи и занимаясь своими отродьевскими делами. Оно лопало два литра мороженого на завтрак, получало пинки по лодыжке, пока не вспоминало про мытьё посуды, после чего покидало дом, заявляя что: "Сегодня я точно заберусь на вершину дерева, просто смотри, Рама!"

Прошло три месяца после первой демонстрации хождения по стенам, и теперь отродье могло взобраться вверх на пять метров вертикальной поверхности за раз. Курама не был уверен, какой была средняя скорость для развития контроля чакры у людей, но, видит Отец, у отродья она была медленной.

Курама, в свою очередь, работал над печатью.

Он занимался этим за кухонным столом обычно, когда отродье уходило. Это было место, в котором было хорошее освещение, но которое не находилось поблизости от окон. Курамы АНБУ предпочитали постоянно располагаться в целой крыше от него, что, хотя и не было хорошей стратегией для наблюдения, работало в пользу Курамы. К тому же, только идиоты, которые хотели оказаться пойманными или подорваться, занимались такой тонкой работой посреди ночи.

Печать петляла, изгибалась, оборачивалась трапецией вокруг себя и ни на капельку не поддавалась Кураме.

Ну конечно, она не поддавалась. Её сделала Узумаки Кушина. Почему он должен был ожидать обратного.

В любом случае, одним слишком солнечным утром пятницы Курама наконец-то сумел выделить и изолировать основные элементы. Он осторожно нарисовал упрощённую печать на листе бумаги, сначала карандашом, а потом обведя водонепроницаемыми чернилами. Ключ должен быть скрыт в этих основных элементах, а вместе с ключом должна появиться возможность вскрыть печать нараспашку.

По крайней мере, в теории.

На практике нахождение ключа было той ещё головной болью. Это было просто такой проклятой головной болью. Он не был Шукаку или хотя бы Мататаби — курамы познания в печатях, почерпнутые из уроков, которые он слушал вполуха, пылились на задворках его памяти примерно две тысячи лет. Первые несколько месяцев после заполнения необходимого

уединения он просто занимался освежением своих основ. К счастью, его воспоминания были, ну, отпечатками чакры. Не хрупкими, надоедливými человеческими электричеством и мозговой жидкостью.

Он помнил достаточно.

Печать Узумаки Кушины всё ещё была настоящим кошмаром.

— Я ненавижу тебя, — проинформировал её Курама, яростно щурясь. Всё было перепутано. Он попытался переработать связующее звено соединяющих точек способом, который бы не взрывался, опасно трескался или привлекал внимание всех в пределах двадцати миль всплеском чакры, похожим на донельзя громкий гудок. Попытка провалилась. — Испытываю к тебе абсолютное и необратимое омерзение. Почему ты существуешь.

Страница не ответила. Курама прожевал ложку мороженого, с хрустом жуя замороженный шоколад. Он попытался расплести нечто, похожее на главное пересечение символов связывания. Оно выглядело безобразно и напоминало раздавленный овал, заполненный едва разбираемыми каракулями.

И у него была и другая печать, над которой нужно было поработать — отродьева. На которую он пока даже не смотрел. Которая, учитывая её создателя, тоже должна быть чертовски сложной.

Его карандаш пробурил дыру в рисовой бумаге.

По крайней мере, работы этого проклятого Намиказе обычно были аккуратными.

— Тебе нужен свежий воздух.

Первого августа в момент вызванной нехваткой сна слабости влетело отродье. Курама был проташен по лестнице и через заднюю дверь своей квартиры прежде, чем успел понять, что происходит. Дороги были всё ещё влажными от небольшого дождя, прошедшего ранее. Деревья отпечатывали зелёные отражения в лужах. Отродье протолкало их через три переулка и главную улицу, прежде чем они прибыли в парк, где Курама немедленно прополз к затенённой роще, натянул свою широкополую шляпу себе на глаза и свернулся калачиком на мокрой траве.

Отродье посмотрело на него с глубоким осуждением. Оно ткнуло локоть Курамы носком сандалии.

— Мр-ргх, — сказал Курама. Его записи. Что это вообще. Ему нужно будет прятать их под раковиной.

Судя по всему, вытаскивание Курамы на улицу было достаточным достижением на десять минут, потому что отродье сказало:

— Ладно, зануда, — хмурым голосом. — Но потом мы пойдём на качели, — оно поправило шляпу Курамы и слегка похлопало её, на что Курама издал похожий на "Ар-ргх" звук в ответ. После этого оно ушло.

Две минуты, а, может быть, два часа спустя, всплеск чакры, горячей и злой, заставил Кураму резко проснуться.

— ТЫ БОЛВАН! — послышался яростный вой отродья со стороны песочницы. Курама попытался сесть, ударился головой о ствол дерева и принялся несчастно хвататься за свой лоб.

Чакра вспыхнула.

Она пришла со стороны отродья. Но она была слабой. Слабее, по крайней мере, чем извержение вулкана, наполовину красное, как у Курамы, наполовину голубое, как у Кушины. И маленькой. Просто маленький огонёк, мерцающий среди неразвитых каналов ребёнка. Курама нахмурился. Она чувствовалась... знакомо.

Очень нервирующе знакомо.

Она была на вкус как пепел и свет свечи. Истошающееся пламя костра и длинные тени, которое оно бросает.

Учиха.

Из всех людей, на которых отродье могло бы решить кричать... Ну. Вообще, отродье кричало на всех, или, по крайней мере, очень громко говорило со всеми, так что это было почти нормой.

Словно демонстрируя вышесказанное, отродье завопило:

— Возьми свои слова назад!

Скорчив гримасу, Курама поднял свою голову. Он прищурился.

Вдалеке отродье яростно размахивало своими руками. Что-то яркое лежало у его ног. Оранжевый пластик, разбросанные конфеты. Перед ним личинка человека с чёрными

волосами стояла с лицом, покрасневшим от негодования. Это был — сопляк. Мелкий сопляк из клана Учиха. Он сказал что-то обиженное в ответ — голос по-детски высокий, руки скрещены на груди. Красный его семейного веера виднелся ярким, крошечным полумесяцем на его спине.

Курама встал, поправил шляпу так, чтобы она не блокировала его поле зрения, и прибыл к месту трагедии как раз к тому моменту, когда чакра мальчика-Учихи возросла от раздражения в раскалённую добела волну ярости. Было похоже на то, что только глубоко укоренившиеся манеры удерживали его от того, чтобы начать кричать на отродье в ответ с такой же громкостью. Они оба были почти одинакового оттенка красного.

Отродье всё ещё визжало. Мелкий Учиха зыркнул на него и ткнул пальцем в его направлении, задирая нос с хм-мф.

— Это не моя вина, если ты слишком туп, чтобы это признать, — высокомерно сказал он, и его произношение было примерно в три раза лучше, чем у отродья.

Отродье сделало спазматическую штуку своими руками, которая означала, что оно страшно желало кого-то удушить.

Курама одобрял. К сожалению, одобрять не означало разрешать.

Прежде чем отродье могло действовать согласно своим порывам, Курама проскользнул вперёд, поймал отродье за воротник и потянул, отпустив его, когда оно с криком упало на траву. Он проделал отличную работу по избеганию этих проклятых глаз и их гендзюцу последние несколько лет — ровно как и наоборот. И так всё и должно было быть. Последнее, что нужно было Кураме, это внимание. И этот ещё был юным и безвредным. Чакра — просто слабый шёпот под кожей, и без бордовых глаз, выдающих его род. С ним легко было разобраться. Совершенно безобидный. Теперь, если они смогут уйти, прежде чем...

— Саске? — сказал голос — не кого-то, достигшего полового созревания, но более глубокий, чем у мелкого Учиха. Курама приподнялся в ту же секунду, что и отродье. Оно убрало руки Курамы от своего воротника в тот же момент, когда очень молодая... личность в вихре листьев появилась на виду, удерживая тарелку с рисовыми шариками в одной руке.

Курама подумал, что это был мальчик. Все человеческие лица выглядели одинаково, и не то чтобы чакру волновали гендерные различия. Хотя у этого мальчика были длинные волосы, так что, может быть, это была девочка.

Он потянулся.

Пепел, дым и зеркала. Он почувствовал, как тёмные занавеси чакры плотно закрылись, и немедленно понял — этот был опасен. У него был шаринган.

Им нужно было уходить.

Отродье махнуло рукой в лицо Курамы и вскочило на ноги, чтобы обвиняюще ткнуть палец в Дым-и-Зеркала.

— Кто ты! — воскликнуло оно.

— Это мой старший брат! — сказала личинка Учиха.

Дым-и-Зеркала медленно моргнул. Его губы дёрнулись.

— Саске...

Отродье схватило край рукава Курамы и вытащило его вперёд.

— Ну а это, — сказала оно, махая рукой в сторону Курамы, словно демонстрируя его. — Мой старший брат.

Мелкий Учиха не выглядел впечатлённым.

— Мой лучше, чем твой.

Дым-и-Зеркала улыбнулся и снобское лицо мелкого Учихи смялось во что-то настолько истово восхищённое, что Кураме захотелось сжаться в комочек.

После этого Дым-и-Зеркала ткнул мелкого Учиху в лоб.

— Нии-сан!

— Веди себя хорошо, Саске.

Мелкий Учиха поднял взгляд с видом, словно стал жертвой величайшего в мире предательства.

— Нии-сан, он сказал, что мои волосы похожи на утиный зад!

— Потому что они выглядят как утиный зад! — дико зажестичулировало отродье. — Смотри! Они все растрёпанные, торчащие и странные сзади.

— Нет, не правда! — сказал мелкий Учиха, после чего увидел выражение на лице Дыма-и-

Зеркал. Его щёки порозовели. — Итачи, не смейся.

Лицо у Дыма-и-Зеркал было совершенно непроницаемым.

— Даже и не думал об этом, — его плечи, однако, дрожали. Его чакра тоже дрожала похожей на землетрясение тряской, которая говорила, что он всё равно смеялся. Надув щёки и скрестив руки на груди, мелкий Учиха отвернулся от него.

Что дало отродью возможность спросить:

— А ты точно парень? — Дым-и-Зеркала. — Я имею в виду, твои волосы реально длинные и красивые.

— Спасибо, Наруто-кун.

Внимание мелкого Учихи опять переместилось на отродье.

— Конечно, он парень! Что насчёт твоего брата.

А потом он вытянул руку и дёрнул за волосы Курамы.

Жалящая боль в его скальпе была резкой и неожиданной. Курама, оскалив зубы, потянулся рукой, чтобы отмахнуться от нападения, прежде чем ощущение до конца воспринялось. Он почувствовал, как его ладонь встретила лишь воздух — этот мелкий засранец увернулся.

— Эй, — пронзительно крикнуло отродье, а потом бросилось вперёд, чтобы ударить мелкого Учиху в лицо.

Потасовка была быстрой. Отродье ударило. Мелкий Учиха пригнулся — его движения были быстрыми и точными, когда он опустился к земле и метнулся вперёд. Кто-то попытался ударить лбом кого-то ещё. Удар прошел мимо.

В основном потому, что они оба неожиданно зависли в трети метра над землёй, удерживаемые в воздухе за задравшиеся до подбородков воротники. На их лицах читалось недоумение от этой неожиданной перемены.

Дым-и-Зеркала посмотрел на них угольными глазами.

Мелкий Учиха посмотрел на себя, потом искоса глянул на отродье и, похоже, что-то осознал.

— ...Я защищал твою честь, нии-сан! — отважно сказал он.

— Честь, чтоб его, — прорычал Курама, приглаживая свои волосы.

Дым-и-Зеркала приподнял бровь.

— Саске, — сказал он, и мелкий Учиха, похоже, неожиданно решил, что земля выглядела донельзя увлекательно. — Мать не учила нас вести себя так грубо.

Мелкий Учиха нахмурился — плечи напряжены, щёки румяные — а потом одна перемазанная в траве рука указала в сторону блондина.

— Но он начал это!

— Ты назвал меня слепой башкой и убил мои конфеты! — закричало отродье.

— Ты назвал моего брата девочкой! — выкрикнул мелкий Учиха.

Отродье обвиняюще подняло палец.

— Ты назвал моего брата девочкой!

— Ну, он выглядит как девочка!

— Ну и что! Он всё равно лучше твоего!

Курама повернулся к отродью.

— Ты говоришь, что я похож на девочку?

Кураму, честно говоря, это не особенно волновало в любом случае. Он был хвостатым зверем. Что было более важным, так это напоминания — такие красные волосы, фиолетовые глаза и нездешняя, оливковая кожа. Узумаки Кушина.

Отродье замерло и моргнуло. Потом, поскольку у него не было ни капли такта, оно открыло свой рот и сказала:

— Да, типа того.

— Видишь! — сказал мелкий Учиха.

Курама подумал над тем, не кинуть ли в него камень.

— На чьей ты вообще стороне?

— Твоей, пф-ф, — сказала отродье. Курама посмотрел на него холодным взглядом и он принялся оправдываться — способом, который ему вообще не помогал. — Но ты немного похож на девчонку! Не настолько сильно, как брат утиного зада, но всё равно су-у-пер похож. Но он сильнее! Смотри! Блестящие волосы. И, эм, я думаю, что эти ресницы могут быть фальшивыми, — он на секунду задумчиво прищурился, глядя на Дым-и-Зеркала. — Да, наверное, фальшивые.

— Они не фальшивые! — сказал мелкий Учиха, звуча в равной степени разгневанно и напуганно.

— Это ты просто уродливый!

— Твоё лицо уродливое!

— Саске. Узумаки-сан, — вздохнул Дым-и-Зеркала.

— Ну а ты — отстой, — сказала, заглушив его, отродье, вооружившись тем, что, по всей видимости, было лучшим оскорблением, которое оно смогло придумать.

— Узумаки-сан...

— Кто пытается ударить человека из-за единственного пакета конфет, ты, тупой болван, — выпалил мелкий Учиха, тоже перекрикивая Дым-и-Зеркала.

— Саске...

— Я! — проревело отродье.

Дым-и-Зеркала разжал руки, гравитация взяла своё, и два одинаковых удара прозвучали, когда отродье и мелкий Учиха одновременно шлёпнулись на землю.

— Ай-й.

Зазвучали болезненные стенания. Маленькие засранцы, как будто это на самом деле было больно — Курама на собственном опыте знал, что отродье могло пойти побиться головой о несколько стен, а потом вернуться с таким видом, словно оно отлично провело время, а здесь было максимум полметра до земли. Отродье вытряхнуло траву из своих волос. Мелкий Учиха приподнялся на локтях. Дым-и-Зеркала очень ровным тоном произнёс:

— Я верю, что существует способ разрешить этот спор без оскорблений. Саске, Узумаки-сан, если бы вы могли... — только чтобы отродье бросилось вперёд, собираясь ударить мелкого Учиху головой.

Они упали кричащей кучей чёрного, оранжевого и светлых волос.

Дым-и-Зеркала вздохнул.

— В таком случае, я предполагаю, что надлежащих извинений не будет, — сказал он. И отродье, и мелкий Учиха — отродье вцепившееся руками в воротник мелкого Учихи, и тот, в свою очередь, пытающийся распахнуть рот отродью — замерли. Они посмотрели на него, как если бы он был сумасшедшим, услышав слово извинения; отродье приподнялось со своей неловкой позиции в грязи, чтобы осуждающе прищуриться.

Дым-и-Зеркала издал звук, сигнализирующий о задумчивости. Было похоже на то, что он хотел сказать ещё что-то.

Затем он произнёс, медленно и взвешенно:

— Мы собирались позже пойти за мороженым. Поскольку Саске уронил твои конфеты, хотел бы ты тоже пойти, Узумаки-сан?

— Хах? — сдавленно сказала отродье.

— Что! Нии-сан! — закричал мелкий Учиха, временно прекращая свои попытки втереть лицо отродья в грязь.

— Нет, — подчёркнуто сказал Курама.

Дым-и-Зеркала даже не моргнул. Он двинулся против часовой стрелки, начиная со своей миниатюрной копии.

— Ты собираешься извиниться, Саске? — спросил он, и мелкий Учиха издал звук, напоминающий о закипающем чайнике. Затем Дым-и-Зеркала обратился к отродью. — В районе Акимичи открылось новое кафе-мороженое. Я хочу спросить, не желаешь ли ты пойти с нами, Узумаки-кун, в качестве компенсации.

— Мороженое? — дёрнулось отродье, которое летело на бесплатную еду, как мухи — на варенье.

— Нет, — повторил Курама.

— Там множество великолепных вкусов, — сказал Дым-и-Зеркала.

Курама ни за что, блять, не собирался никуда идти с любым Учихой, вообще. В данной ситуации был лишь один возможный путь действий, и это двигаться в противоположном направлении.

Курама посмотрел в угольные глаза. Такие тёмные, что зрачок был неразличим на фоне радужки. Изящные и мрачные на бледном, угловатом лице — и на одну короткую вспышку галлюцинаций он увидел, как чёрный кровотоцит вертушками на красном фоне.

Он почувствовал, как его ногти глубоко впиваются в ладони.

Он сделал вдох.

Медленно, крайне медленно он разжал свои руки.

— Мы идём домой, — сказал он отродью, холодно и твёрдо.

Отродье, этот маленький засранец, даже не смотрело в его сторону. Его голубые глаза нацелились на принадлежащее мелкому Учихе выражение потрясённого негодования. С нездоровым любопытством оно спросило:

— То есть, типа, возле барбекю?

— Да, — сказал Дым-и-Зеркала.

Мелкий Учиха слепо ударил рукой в направлении лица отродья.

— Нии-сан. Ты не можешь. Мы не можем взять их с собой.

— Мы идём домой, — прошипел Курама и сделал два резких шага вперёд, чтобы схватить отродье за воротник.

Отродье увернулось.

Правая нога скользнула назад, левая, ради равновесия, шагнула в сторону. Оно схватило запястье Курамы неловкой хваткой, сверкая глазами. Когда оно улыбнулось, это было с принадлежащим пятилетке "Я тебя обыграл!" выражением лица, на которое мелкий Учиха тут же ответил взглядом, полным совершенного отвращения. Отродье обернулось к Дыму-и-Зеркалам.

— Ага! Конечно! Потряс... ар-ргх.

Курама крайне демонстративно увеличил давление, с которым он наступал на пальцы отродья.

— Рама! — проныло оно.

Курама надавил сильнее.

Дым-и-Зеркала тяжело оглядел их.

— Я жду, что вы трое будете хорошо себя вести, — сказал он. Что — хах. Мелкий Учиха кипятился. Чакра Дыма-и-Зеркал сделала нечто, что означало бы закатывание глаз для любого другого человека, и он подался вперёд, чтобы с нежностью ткнуть пальцем в лоб своего младшего брата.

— Итачи!

Десять минут и один большой перекрёсток спустя отродье радостно восклицало:

— Это здесь! В той стороне! Я знаю дорогу, давайте за мной, ну же, ребят, тут уже недалеко...

Мелкий Учиха ткнул локтем в сторону.

— Нет. Поверни налево, болван. Куда ты, по-твоему, идёшь? Или... неважно. То направление сойдёт. Исчезни.

Рука решительно цеплялась за плечо Курамы, и каждый подскок чувствовался так, словно его руку сейчас вырвет из сустава.

— Отпусти меня, пустоголовый блондинистый... ай-й!

Отродье дёрнуло его поближе и перекинуло руку через его плечи.

— Рама, мы идём за мороженым, — восторженно сказала она. — Какой вкус ты хочешь? Я хочу шоколадное.

— Сдохни.

— Не выражайся, Узумаки-кун, — сказал Дым-и-Зеркала.

В конечном счёте Курама каким-то образом обнаружил себя сидящим за одним из пластиковых столиков кафе-мороженого Шозы.

Окна там были широкими и светлыми. Краска на стенах была свежей, на сиденьях не было видно трещин. Воздух пах молоком и тёплым жжёным сахаром. Курама уставился на маття аммицу, искушающе стоящее перед ним — мороженое с зелёной фасолью, ледовая крошка, маленькие дынные шарики, аккуратно приткнутые в сторону — после чего поднял взгляд. Отродье шумно пожирало пломбир с фруктами. Мелкий Учиха печально тыкал в миску с печеньем, утопленном в мятном шоколаде. Дым-и-Зеркала потягивал чай и ел рисовые шарики.

— Что за херня, — сказал Курама.

Он помнил много споров, и как отродье потом тащило его за руку. Он не особенно помнил, где пролегал путь до кафе, только как заходил туда.

А потом мороженое.

Просто вуаля. Пуф. Каким-то образом. Он украдкой бросил взгляд за прилавок кафе. Широкоплечая, крепкая на вид женщина с отметками клана Акимичи на щеках выглядела чрезмерно гордящейся собой.

Сверкнуло серебро.

Курама отбил руку отродья в сторону вместе с преступной ложкой, готовой украсть курамино мороженое. Что за херня или нет, мороженое это мороженое. Отродье издало жалостливый звук и надуло щёки. Курама смерил его не впечатлённым взглядом, погрузил свою собственную ложку в нетронутое завихрение маття и откусил от холодной сладости.

— Ла-а-а-адно, — сказала отродье, затихая.

Они тихо ели. Курама изучал часы на задней стене и пытался подсчитать, как быстро он сможет набить живот и сразу же после этого просто уйти.

Разумеется, отродье никогда не было удовлетворено слишком долгим молчанием. Или

длящимся хотя бы три минуты.

— Когда я вырасту, — оно помахало своей ложкой в воздухе, привлекая внимание к своим словам. Крем запачкал уголки его рта — липкий и шоколадный. — Я, Узумаки Наруто, стану Хокаге. И все будут радоваться.

— Тебе нужно быть ниндзя, чтобы быть Хокаге, — сказал ему не впечатлённый мелкий Учиха. Он отломал пальцами кусочек печенья и захрустел им.

— Именно! Я пойду во второй класс, когда закончится лето. Учителя все глупые, впрочем.

Мелкий Учиха замер с рукой в миске. Печенье звякнуло о её дно.

— А ты, значит, взрослый, — сузив глаза, сказал он — словно обвинение.

— Мне шесть, — поправило отродье. — И я буду крут.

— Академия не начинается, пока тебе не будет шесть, придурок.

Отродье щелчком кинуло каплю шоколадной пены в щёку мелкого Учихи. Он нахмурился, опустив уголки рта.

— Ну, а в моем случае это было пять. Так сказал Старик Хокаге! Ты просто завидуешь, потому что ты недостаточно особенный, чтобы попасть туда.

— По крайней мере ври правдоподобно.

Дым-и-Зеркала выловил печенье из пломбира — оно было влажным и крошилось, тёмное тесто, жирное от молока.

— Узумаки-сан отправляется во второй класс, — вклинился он, откусывая немного с безупречными манерами. — Это было... допущение.

Мелкий Учиха повернулся, стукнув локтем по столу.

— Как ты попал туда? Даже нии-сан не поступил раньше положенного!

— Я сказал тебе, что я крут.

— Может быть станешь, когда сможешь правильно делить в столбик, — пробормотал Курама.

Он отправил ещё одну полную ложку мороженого себе в рот. Красная фасоль в этот раз. Хах.

Целых две секунды мелкий Учиха выглядел раздумывающим над словами отродья.

— Я всё равно лучше, — сказал он, закончив размышлять.

— Что значит ты лучше. Я во втором классе! Я спору, что ты ещё даже не в Академии!

— Я начну в этом году!

— То есть, ты не в Академии. Опоздал, утиный зад! Я победил!

— Ты даже не можешь встать в стандартную боевую стойку!

Отродье размахивало своим аргументом, как тараном.

— А ты опоздал!

С гневно прищуренными глазами и губами, сжатыми в тонкую линию, мелкий Учиха был похож на кота, которого слишком много раз тыкали острой палкой.

— Ну а я спору, что я всё равно буду лучше тебя!

Ложка отродья врезалась в остатки мороженого. Зазвенело стекло. Подлетевший Курама умыкнул монетку из белого шоколада, прижатую к дну чашки.

— Договорились. И когда я одержу победу, ты признаешь что я — лучший. А ЕЩЁ я покрашу твои волосы в розовый, а ещё ты дашь мне самое большое мороженое парфе в меню!

— Когда я одержу победу, — пробормотал мелкий Учиха. — Ты неделю будешь делать всё что я скажу.

— Дружеские соревнования — это всегда хорошо, — сказал Дым-и-Зеркала, безмятежный, с атмосферой тихих бамбуковых садов, традиционных чайных церемоний и идеального дзена вокруг себя.

Курама ел своё мороженое, с осуждением изучая их всех.

По крайней мере, это было в некоторой степени интересно.

Они всё ещё бросали убийственные взгляды друг на друга, когда были доедены остатки еды. Курама отпихнул гигантскую чашку парфе на стеклянный прилавок к Акимичи, прежде чем обернуться обратно в сторону, где отродье и мелкий Учиха были вовлечены в горячую игру в "назови важные исторические события", в которой Дым-и-Зеркала был судьёй. Небо было узкой полосой оранжево-серого снаружи — закат, темнеющий в синий. Курама наблюдал за тем, как ленивые облака дрейфуют мимо, пока отродье выпаливало неправильные даты для всех главных битв Третьей Войны Шиноби.

И Второй.

И Первой.

И закрыло уши руками, когда Дым-и-Зеркала объявил, вызвав хор огорчённых реакций, что результатом была ничья.

Щёки отродья были покрасневшими от силы, с которой он спорил. Мелкого Учиху постепенно вынуждали переходить на всё более и более громкие тона. Курама посмотрел на Дым-и-Зеркала, чувствуя как тяжёлый камень беспокойства плотно сжимается в его груди. Его челюсть сжалась в автоматическом гневе.

Но он ничего не сделает.

Это то, чему научился Курама. Дым-и-Зеркала ничего не сделает, потому что пусть у него и есть запятнанная кровь и трижды проклятые глаза Индры, он тоже был связан. Связан клятвой. Связан деревней. Связан законами Человека-Обезьяны. Курама не был в безопасности — не то чтобы Учихи были образцом ментальной стабильности — но Курама не был в безопасности очень, очень долгое время.

Только в гневе.

Тем временем, Дым-и-Зеркала не попытался выкинуть ничего с отродьем. Это было уже достаточно хорошо. Был предел тому, сколько общения с людьми Курама мог вынести за один день. Такими темпами у него опять разболится голова.

Зазвенели колокольчики над входной дверью. Курама выскользнул наружу.

Он сделал два шага от крыльца кафе, когда голос отродья неожиданно замер.

— Рама, смотри, это — погоди. Куда ты ушё-ё-ёл. Рама! — дверь открылась, колокольчики звякнули. Чакра отродья зашипела, как легкий дождик. — До встречи, Итачи-сан! Утиный зад, — громкое фырканье. — Не смотри на меня так, ты точно утиный зад. Запомни, я одержу победу! — его голос стал громче. — Погоди, Рама!

Он бросил взгляд назад — совсем быстро — останавливаясь посреди грязи. Отродье поспешно попрощалось. Его улыбка была яркой, закрученной по краям, как коричное пирожное, сладкое и круглое, даже когда оно скорчило полную отвращения мину в сторону мелкого Учихи, который вернул её в десятикратном размере. Последнее щегольское прощание, ещё одна насмешка. Отродье выскочило на улицу навстречу Кураме.

— Большегубый, — пожаловалось оно, как только оказалось достаточно близко, чтобы коснуться локтя Курамы. — Я был в середине соревнования и побеждал, окей! Ответ был восемьдесят два. Я знал его.

Ответом, на самом деле, было пятьдесят два. Курама закатил свои глаза к небу.

— Ты всё ещё ужасен в математике.

Кроме прочих вещей. Вроде того, что он являлся ходячим, дышащим кошмаром. И ебучим магнитом для Учих. И идиотом.

Но Курама не сказал ничего из этого.

Они пошли домой.

<http://tl.rulate.ru/book/58665/1500785>